

«ОГНЕННЫЕ ГОДЫ КРЫМСКОЙ СТЕПИ»: СТРАНИЦЫ НЕИЗВЕСТНОЙ БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ С ГИТЛЕРОВСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КРЫМУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. А. Иванов

Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым Центральный музей
Тавриды, отдел «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов
«Концлагерь “Красный”»

Поступила в редакцию 13 мая 2021 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы неизвестного противостояния советского подполья и разведывательных органов государственной безопасности и гитлеровских захватчиков на территории Степного Крыма в годы Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу, что деятельность участников подпольно-патриотических организаций под общим руководством спецгруппы советских разведчиков ОМСБОН НКВД СССР «Соколы» в целом была успешной и способствовала освобождению Крымского полуострова весной 1944 г. от нацистов. Впервые в историографии широко освещены неизвестные персоналии Ф. Давиденко, Н. Пригарина, И. Кондранова, Н. Нилова, П. Благого, руководителей «Воинской и Лариндорфской антифашистской подпольной группы».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Степной Крым, разведывательная деятельность.

Abstract: the article examines the issues of the unknown confrontation between the Soviet underground and the intelligence agencies of state security against the Nazi invaders on the territory of the Steppe Crimea during the Great Patriotic War. The author comes to the conclusion that the activities of the members of clandestine patriotic organizations, under the general leadership of the special group of Soviet intelligence officers OMSBON NKVD of the USSR «Sokoly», was generally successful and contributed to the liberation of the Crimean peninsula in the spring of 1944 from the Nazis. For the first time in historiography, little-known personalities of F. Davydenko, N. Prigarin, I. Kondranov, N. Nilov, P. Blagoy, leaders of the «Voink and Larindorf anti-fascist underground group».

Key words: Great Patriotic War, Steppe Crimea, intelligence activities.

Довольно долгий период времени в исторической науке считалось, что в Степном Крыму в годы Великой Отечественной войны не наблюдалось активной формы борьбы с нацистскими оккупантами. А между тем в 1943–1944 гг. на территории Красноперекопского, Лариндорфского (Первомайского) и частично Фрайдорфского (с 1944 г. с. Новоселовское в составе Ак-Шейхского района (ныне Раздольненского), а сам Фрайдорфский район как таковой упразднен) районов в фактическом треугольнике действовала активная разведывательно-диверсионная сеть под управлением опытных сотрудников органов госбезопасности, направленных по воздуху в Крымские леса для обучения партизан и подпольщиков минно-подрывному делу. Создание нового невидимого фронта в глубоком тылу врага, считающего себя здесь в относительной безопасности, являлось одним из интересных и малоизученных эпизодов борьбы советской разведки против немецко-румынских оккупационных войск и их спецслужб. К сожалению, спустя 75 лет после окон-

чания Великой Отечественной войны, эти сюжеты по-прежнему не отражены в исторической науке, что в свою очередь объясняется следующими факторами:

– во-первых, территория Степного Крыма по своим природно-географическим условиям мало подходила для широкомасштабной партизанской борьбы против немецко-румынских оккупантов. Борьба преимущественно велась на юго-востоке Крымского полуострова, где естественные укрытия (Крымские горы, леса и многочисленные каменоломни) давали народным мстителям возможность спрятаться от противника, несмотря на то что технические возможности середины XX в. предоставляли некоторые преимущества в борьбе с партизанами;

– во-вторых, так как после падения Керчи и Севастополя весной–летом 1942 г. в Крыму прекратились активные боевые действия между Красной Армией, Черноморским флотом и гитлеровскими войсками, Крымский полуостров оказался в глубоком тылу, что лишало антинацистские силы существенной поддержки в вооружении, снаряжении и оснащении для борьбы с немецкими войсками. Последние для реализации противодействия советской партизанско-

подпольной борьбы привлекли ряд вспомогательной силы из числа местного населения и бывших советских военнопленных, настроенных благодаря германской пропаганде антисоветски. Однако если крымские партизаны тем не менее опирались на широкую поддержку народов полуострова, оставшихся верными советской власти, находясь в юго-восточной части Крымского полуострова, то в Степном Крыму наблюдалась противоположная ситуация. Борьба здесь с противником могло только подпольное движение, находящееся во взаимодействии не только с партийными органами, но и с руководством профессиональных сотрудников советских спецслужб;

– в-третьих, несмотря на единые цели партизан и подпольщиков в борьбе с оккупантами, методы и формы борьбы у них значительно отличались. Для партизан наиболее характерными были организация засад, рейды по тылам противника, блокада и ликвидация вражеских гарнизонов, организация масштабных диверсий с целью нарушения коммуникаций противника и срыв его транспортных перевозок. Для подпольщиков, действующих под руководством советских разведывательных органов госбезопасности, – сбор и передача разведанных, организация саботажа, активная агитационно-пропагандистская деятельность по разобщению и разъединению вражеских частей, особенно союзников нацистской Германии – румын, словаков, расквартированных на большей части территории Степного Крыма.

В советской историографии, а позднее и в отечественной об этом писалось в значительной мере скупно, многие факты искажались или замалчивались вообще [1–3]. Кроме того, в последних изданиях есть ошибки и неточности [4], так как авторы мало используют материалы архивного фонда П-156 Государственного архива Республики Крым, в которых можно почерпнуть довольно много сведений не только о нацистском оккупационном режиме, проблематике коллаборационизма, деятельности советского подполья, но и его взаимодействии с разведкой.

В настоящей статье рассматривается деятельность подпольно-патриотических групп в Красноперекопском и Лариндорфском (ныне Первомайском) районах Крымской АССР в годы немецко-румынской оккупации 1941–1944 гг., которые тесно координировали и взаимодействовали с разведывательной агентурой Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР (далее – ОМСБОН НКВД) под общим командованием майора Гисака Арабаджиева, использующего псевдонимы «Серго» и «Мисак».

В конце 1941-го – начале 1942 г. в селах Айкашен, Кулар-Кипчак, Юдендорф возникли подпольно-патриотические группы [5]. Первую группу возглавил Федор Давиденко (Давыденко), вторую – Николай

Пригарин, а третью – Петр Благой [6, с. 552]. Изначально, как свидетельствуют документы из Государственного архива Республики Крым, эти группы не имели связи с партийным руководством либо с партизанами в Крымских лесах, по крайней мере, до весны 1943 г. [7]. Как видим, возникновение подпольных организаций произошло стихийно, изначально без какого-либо вмешательства извне. Все три организации действовали независимо, и только в апреле–мае 1943 г. была произведена реорганизация подпольного движения в Степном Крыму, в результате чего происходит объединение трех групп в одну. Естественно, это не могло произойти без координации компетентных сотрудников советской разведки.

10 июня 1943 г. в крымские леса был сброшен воздушный десант спецгруппы ОМСБОН НКВД под командованием майора Г. Арабаджиева «Соколы», в состав которого входили старший лейтенант Н. Ф. Забара, радист В. П. Бочков, младшие лейтенанты медицинской службы В. Винниченко и И. Лошкарева, старший лейтенант Г. К. Устер, старший сержант В. П. Дерибин, Р. Г. Анненков [4, с. 274; 8, с. 130; 9, с. 80]. Выполняя задания вышестоящего руководства, Арабаджиев взял на себя командование всеми операциями омсбонских десантников на территории Крыма и также стал координатором действий подпольщиков, в частности, на территории Степного Крыма. Возникает вопрос: почему именно там? Дело в том, что, организовывая отпор немецко-румынским оккупантам на территории юго-восточного Крыма, советское командование упустило возможность контроля остальной части полуострова. Железнодорожная ветка Симферополь – Джанкой – Красноперекопск – Армянск играла важную роль в планах немецкого командования в оккупированном Крыму, и борьба в тылу вражеских коммуникаций, срыв его наиболее значимых поставок составляли одну из стратегических целей советских разведчиков. А они как раз проходили через центральную и северную части полуострова. Кроме того, после разгрома гитлеровских войск на Северном Кавказе в Крым было передислоцировано воинское формирование словацкой армии, известное как «Рыхлая» («Быстрая») дивизия. Разложить словацкие части и способствовать их переходу на сторону крымских партизан – одна из целей миссии, выполнение которой полностью ложилось на майора Арабаджиева. Об этом, в частности, вспоминает Н. Д. Луговой, один из бывших руководителей партизанского движения в Крыму: «В лагере нас ждал Николай Забара, посланец майора Серго, руководителя группы спецразведки. Майор Серго завтра в двенадцать приедет к разбитому трактору. Просит прийти на внеочередную встречу. И привести кого-нибудь из словаков. Будет разговор о “Рыхлой дивизии”» [10, с. 165–166].

Основные задачи уже объединенных под руководством профессиональных разведчиков ОМСБОН НКВД и подпольщиков Степного Крыма состояли в следующем:

– сбор сведений о морально-политическом настроении населения и частей оккупационной немецкой армии;

– сбор сведений о нахождении немецких частей, штабов, зенитных батарей, прожекторов, складов и других стратегических объектов;

– сбор сведений о состоянии посевов Степного Крыма и их количестве;

– агитационно-пропагандистская работа по разложению словацких частей, служивших в гитлеровских войсках, а также частей вспомогательных войск, сформированных из коллаборационистов, с целью их дальнейшего роспуска по деревням Степного Крыма;

– организация сбора продовольствия и снабжение им участников подпольной организации, штаба майора Г. Арабаджиева («Серго») и отправка продовольствия в леса к партизанам;

– сбор оружия, оставленного отступающими частями Красной Армии в 1941 г. в Степном Крыму;

– подготовка и осуществление актов диверсии и саботажа (нанесение вреда имущества немецко-румынских войск, порча продуктов питания, убийство немецких и румынских солдат и офицеров) [7].

Часть разведчиков спецгруппы ОМСБОН НКВД обосновалась в Первомайском районе, установив контакты с группой Ф. Давиденко и Н. Пригарина. С их помощью удалось легализоваться Н. Забаре, Г. Устер и радистке Н. Лошкаревой. Обеспечивать связь с Москвой в крымском лесу остались только разведчики В. Буря и два радиста – Бочков-Боц и Вайншток. Причем один поддерживал связь с самой Москвой, а другой с наркомом госбезопасности Крымской АССР генералом П. М. Фокиным [11, с. 3].

Установление связи с крымскими лесами и налаживание тесных контактов со спецгруппой ОМСБОН НКВД «Соколы» также принадлежит уроженцу с. Воинка Красноперекоского района Ивану Кондратову (псевдоним «Старик»). Это произошло весной 1943 г., когда тот вместе с товарищем Мирошниченко пробрались в крымские леса и установили связь с майором Г. Арабаджиевым (он же «майор Серго», командир «Особой парашютной десантной группы») [12]. Была также попытка наладить тесный контакт с Ак-Шейхскими подпольщиками, для чего с соответствующей миссией отправляли Николая Пригарина и Альберта Экшияна, Александра Полодяна и Бабкен Полодяна, однако, как в случае с Воинкой, где действовала подпольная группа И. Кондратова («Старика»), этого не произошло. Как видим, из первоначально созданных подпольно-патриотических групп уроженцы Степного Крыма стали частью боль-

шой разведывательной спецоперации, которая постепенно охватывала не только центральную часть Степного Крыма, но и его северо-западную часть, где расквартированные до недавнего времени немцы и румыны чувствовали себя в относительной безопасности. Все сведения собирались и передавались непосредственно майору Арабаджию в Симферополь.

Позднее именно на Ивана Кондратова («Старика»), уроженца Воинки, было возложено руководство уже объединенной «Воинской и Лариндорфской антифашистской подпольной группой» к концу весны 1943 г. Как свидетельствуют архивные источники, органы госбезопасности считали возможным использование ресурсов местного подпольного движения в борьбе против гитлеровских оккупантов. И. Кондратов ставил перед подпольщиками важную задачу: собрать как можно больше зерна с тем, чтобы в дальнейшем переправить его в Крымские горы для партизан. Тогда же, в результате массовых арестов, к гестапо попадают Ф. Давиденко и часть армян-подпольщиков: Н. Экшияна, О. Овсена и др. Самого Давиденко сильно избивали, допрашивали, но отпустили, ничего не добившись. Руководство подполья приняло решение переправить его в Крымские горы на время [там же]. Связными между И. Кондратовым («Стариком») и Лариндорфской группой была его племянница Ксения Игнатьевна Гаврилова, жительница д. Воинки, являвшаяся мужем Николая Дмитриевича Игнатьева, проживавшая с ними по адресу в д. Ой-Джурчи (ныне исчезнувшее село Первомайского района Республики Крым) [13].

15 октября 1943 г. майор Арабаджиев прибыл на машине в дом Николая Пригарина вместе с шофером Беловецким в Кулар-Кипчак. Между тем разведчики успели завезти в Воинку значительную партию оружия. Далее по маршруту было с. Тархан, где автомашину остановил немецкий патруль. У «Серго» были подложные документы, и поэтому его задержали. Начали везти обратно в Воинку. От расправы их спас полицейский Николай Шаров, который, притворяясь пьяным, то и делал вид, что избивал майора и шофера Беловецкого. Далее их привезли и заключили под стражу. Только благодаря тому, что Шаров известил Пригарина об аресте Арабаджиева, его удалось тогда спасти.

10 ноября 1943 г. подпольщики Альберт Экшиян, шофер Никонов и Игнатьев организовали сбор муки и двух бочек с мясом для разведгруппы «Соколы» майора Арабаджиева, к тому времени начавшей перебираться на конспиративные квартиры в Симферополе. Эта операция была проведена успешно; кроме того, выдавалось продовольствие семьям, чьи родные сражались в Красной Армии, и всем сочувствующим советской власти. 28 ноября 1943 г., после того как Красная Армия заблокировала немецкие войска на

территории Крымского полуострова, от майора Г. Арабаджиева («Серго») поступило задание перебросить всех членов подпольных организаций из Воинки, Краснопереконского и Лариндорфского районов, в Симферополь для пополнения личного состава партизанских отрядов. С Николаем Пригариным, вторым по важности руководителем подпольщиков-разведчиков Лариндорфского района, отправились в Куллар-Кипчак пять человек, которые помогали ему в перевозке пистолетов, радиоустановки и другого снаряжения в Симферополь. Еще один подпольщик, Михаил Нилов, получил от «майора Серго» приказ также подготовить следующую партию лариндорфцев для отправки в Крымские леса, однако вскоре за этим указанием последовало другое, веление остаться на месте и обеспечивать готовящееся наступление войск 4-го Украинского фронта разведанными с помощью оборудованной для этой цели радиостанции [14]. Арабаджиев выдал специальные бланки, где просил подпольщиков обеспечить его машиной. Однако сам он в Симферополь не поехал, вместо него туда отправился Николай Пригарин. Связным между ним и Арабаджиевым должна была быть Лидия Раевская. Петру Благому было дано задание вести пропаганду среди добровольческих частей, находящихся в Лариндорфском районе. По данным источников, П. Благой в этом деле преуспел, о чем свидетельствовала вынесенная ему благодарность от майора «Серго». Кроме того, в центр уходили доклады о размещении в Симферополе двух прибывших из Берлина диверсионных подразделений гитлеровской Германии, личном составе вражеских частей, отступающих под ударами Красной Армии в Крым, о пособниках врага, прочей информации о немецких ставленниках и о прибытии словацкой «Быстрой дивизии». В этом формировании сразу появились агитаторы из числа словаков, перешедших на сторону Красной Армии. 12 человек под руководством разведчика Гайнанова в октябре 1943 г. были переброшены в Крымские леса, где продолжили борьбу против немецких захватчиков вместе с захваченным трофейным оружием, боеприпасами и пулеметом [10, с. 165–166].

По приказу подпольной организации подпольщик Яковлев занимался выполнением задания по сбору зерна и передаче его местному населению. Приблизительно более 3000 центнеров зерна было собрано и роздано жителям Лариндорфского района. Остальные члены подполья, помимо передачи разведанных, создавали тайники с оружием, собрав 115 винтовок и несколько автомашин и пулеметов. Кроме того, по воспоминаниям Ксении Игнатьевны Гавриловой, в лес партизанам отвозились мука, мясо, картофель, табак, сахар, водка из магазина райпотребсоюза, радиоаппаратура из Воинки в Симферополь и оружие,

которое хранилось у подпольщика Силина в Учвели-Орках (Урках) и отвозилось в Симферополь [15]. На конспиративной квартире укрывались разведчики, скрывающиеся от гестапо: непосредственно сам майор Арабаджиев, его водитель Николай Морозов и др.

Деятельность подпольщиков и советских разведчиков не осталась незамеченной для немецких спецслужб: во-первых, немцы закрыли Перекопский перешийек и прервали всякое сообщение с материковой Украиной в связи с наступлением Красной Армии, а во-вторых, они начали вести тщательную контрразведывательную борьбу против советских разведчиков, партизан и подпольщиков, надеясь обезопасить себя тыл с последующей эвакуацией своей окруженной группировки через морской «коридор» в Румынию и Болгарию.

25 ноября 1943 г. гестаповцы арестовали Игнатьева, Беловецкого, Сергиенко и Силина (правда, его вскоре отпустили), а 1 декабря 1943 г. – Альберта Экшияна. Руководство Лариндорфского подполья должны были эвакуировать. 3 декабря 1943 г. немцы все же арестовали Силина, а 5 декабря были взяты под стражу Нилов и Пригарин. Таким образом, спастись удалось П. Благому, который выехал в Михайловку, где стал сотрудничать с Курманской подпольной организацией, а позже сумел перебраться через линию фронта к советским войскам и передать все собранные за осень 1943 г. разведанные [16]. Во многом раскрытие спецгруппы ОМСБОН НКВД «Соколы», а также воинских и лариндорфских подпольщиков связано с тем, что майор Арабаджиев доверился инженеру Симферопольской электростанции Яшину (в своей публикации Р. Смольговская отмечает, что имя предателя было намеренно изменено. Тем не менее в ряде настоящих изданий о борьбе советской разведки в Крыму его имя передается без псевдонима, что не совсем корректно, на наш взгляд), который держал частную фотостудию. Фотографии Яшина и донесения о работе разведывательно-подпольной организации получила его «Абвергруппа-302» и Симферопольская группа немецкой тайной полевой полиции «ГФП-13» в лице капитана Тонекса [17]. После этого Тонекс дал распоряжение организовать засаду в Симферополе, Воинке, Лариндорфском районе на конспиративных квартирах.

Почти все схваченные симферопольские подпольщики были расстреляны в период между 5 и 10 декабря, а краснопереконские – 15 декабря 1943 г. Арестованных разведчиков из спецгруппы НКВД «Соколы» держали в тюрьме на ул. Кооперативной, 28. Историк С. А. Ткаченко, С. А. Терехов и А. Ю. Бутовский считают, основываясь на неопубликованных материалах из личного архива разведчика А. Н. Мантейфеля, что майор Арабаджиев не выдер-

жал оказываемого на него давления, стал сотрудничать со следствием и предал всю группу [4, с. 280]. Однако насколько эта информация соответствует действительности, сказать трудно. В. К. Винниченко и подпольщик Д. П. Шелков повесились в тюрьме согласно версии приведенных выше исследователей. Так, в «Книге памяти сотрудников органов контрразведки...» допущена серьезная неточность, где говорится, что «В. К. Винниченко погибла в районе ст. Воинка на территории с-за “Красный” Краснопереконского р-на Крымской обл.». Во-первых, неправильно дана дата гибели девушки – 29 августа 1944 г. (а не декабрь 1943 г.); во-вторых, с. Воинка находится в Краснопереконском районе, тогда как совхоз «Красный» – в Симферопольском районе; и в-третьих, в 1921–1945 гг. Крым являлся автономной республикой в составе РСФСР, а областью стал только после окончания Великой Отечественной войны [18, с. 87]. Отсюда следует, согласно другой версии, что всех захваченных разведчиков нацисты расстреляли либо в урочище Дубки, либо в балке в нескольких километрах от бывшего совхоза «Красный» [19].

Таким образом, подводя итог действий Воинской и Лариндорфской антифашистской подпольной группы, можно отметить следующее:

– подпольные группы в Краснопереконском и Лариндорфском районах Крымской АССР возникли без поддержки партийного руководства в конце 1941-го – начале 1942 г. Ядром этой организации служили бывшие советские военнопленные и бывшие партийные активисты, оказавшиеся в глубоком немецком тылу;

– переброска воздушного десанта ОМСБОН НКВД СССР «Соколы» в крымские леса способствовала объединению подпольных групп Степного Крыма и присоединению их к общекрымскому Движению Сопротивления против нацистов и их пособников;

– раскрытие и ликвидация спецгруппы ОМСБОН НКВД «Соколы», а также лариндорфских подпольщиков были связаны в первую очередь с тем, что руководитель разведки майор Арабаджиев не позаботился о конспирации: передвигаться незамеченным между Воинкой, Лариндорфским районом и Симферополем в обход немецких патрулей ему не удалось, лишь помощь подпольщиков и ряда лиц, сочувствующих советской власти, спасали в определенные моменты разведчиков от провала. Второй момент был связан с тем, что Арабаджиев не заподозрил в инженерере Симферопольской электростанции Яшине агента немецкой разведки. И, наконец, третий момент связан с тем, что, будучи арестованным гестапо, согласно одной из версий, Арабаджиев смалодушничал и выдал задание, резидентуру и связанную с ними тесно разведывательно-подпольную сеть немцам;

– главные задачи, которые ставили перед подпольщиками советские разведчики, состояли в сборе данных, передаче информации в штаб спецгруппы, организации диверсий, акций саботажа в тылу противника, пропагандистско-агитационной работе с целью разложения вражеских частей, особенно союзников нацистской Германии. Частично такая работа имела успех, подразделения словацкой «Рыхлой дивизии» были выведены из Крыма и переведены на новый участок фронта: рост влияния партизанской агитации и пропаганды, появление дезертирства и низкая боеспособность словацкого корпуса фактически свидетельствовали об успехе деятельности разведывательно-подпольных структур Степного Крыма к концу 1943 г.;

– несмотря на ликвидацию разведывательно-подпольной сети в Степном Крыму, советская разведка не оставила планов на разработку разведывательных операций на территории северного Крыма, где постепенно начинается подготовка к крупнейшей стратегической наступательной операции по освобождению Крыма от гитлеровских захватчиков. Благодаря миссии ОМСБОН НКВД интерес к «Перекопским воротам» Крыма начала проявлять и армейская разведка. Внимание советских спецслужб было перенесено на Ак-Шейхский (Раздольненский), Ак-Мечетский (Черноморский) районы Крымской АССР. В Краснопереконском и Лариндорфском районах оставались нераскрытые нацистами подпольщики. Вместе они всячески приближали освобождение весной 1944 г. Крыма от нацистских оккупантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. : сборник / под ред. И. С. Чирвы. – Симферополь : Крымиздат, 1963. – 343 с.
2. Абрамян Г. С. Мощное оружие советских войск в боях за Крым (1941–1942 гг.) / Г. С. Абрамян. – Ереван : Издательство Ереванского университета, 1975. – 198 с.
3. Куликов А. К. Степей горячее дыханье. История Первомайского района / А. К. Куликов. – Симферополь : Таврида, 2017. – 472 с.
4. Ткаченко С. Н. «По линии 4-го от отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.) / С. Н. Ткаченко, С. А. Терехов, А. Ю. Бутковский. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. – 408 с.
5. Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК). – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 20.
6. Історія міст і сіл Української РСР : в 26 т. Кримська область / отв. ред. Л. Д. Солодовник, М. В. Багров, В. І. Балахонов. – Київ : УРЕ АН УРСР, 1974. – 833 с.
7. ГА РК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 3.
8. Зевелев А. И. Ненависть, спрессованная в тол / А. И. Зевелев, Ф. Л. Курлат, А. С. Казицкий. – М. : Мысль, 1991. – 331 с.

9. Колпаков Н. Е. Всегда в разведке / Н. Е. Колпаков. – Симферополь : Симферопольская городская типография (СГТ), 2008. – 176 с.

10. Луговой Н. Д. Побратимы / Н. Д. Луговой. – Киев : Политиздат Украины, 1974. – 541 с.

11. Смольговская Р. «Крымчаки» и «Соколы» / Р. Смольговская // Крымская правда. – 1991. – 28 дек. – № 249 (20464). – Ч. 1. – С. 3.

12. ГА РК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 21.

13. ГА РК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 70.

14. ГА РК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 23.

15. ГА РК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 72.

16. ГА РК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 25 об.

17. Смольговская Р. «Крымчаки» и «Соколы» / Р. Смольговская // Крымская правда. – 1991. – 31 дек. – № 250 (20465). – Ч. 2. – С. 3.

18. Книга памяти сотрудников органов контрразведки, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. С. В. Степашина. – М. : Граница, 1995. – 543 с.

19. Архив Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь “Красный”». – Электронная база данных о погибших узниках.

Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым Центральный музей Тавриды, отдел «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь “Красный”»

Иванов В. А., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

E-mail: slavik1855@gmail.com

State Budget Institution of the Republic of Crimea Central Museum of Tavrida, Department Memorial to the Victims of the Fascist Occupation of Crimea 1941–1944, «Concentration camp «Krasny»

Ivanov V. A., Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher

E-mail: slavik1855@gmail.com